

РУССКИЙ ЯЗЫК

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (вопросы теории и истории)

Усинь Гэн

Кафедра общего и русского языкознания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье кратко рассматриваются нахождение и критерии классификации неизменяемых слов в русском языке. Их грамматические характеристики не выражены морфологически, они проявляются в сочетании с иными членами предложения. Анализ неизменяемых слов может помочь лучше понять специфику частей речи в формоизолирующих языках.

Ключевые слова: классификация, неизменяемые существительные, грамматика, морфология, формоизолирующие языки.

Неизменяемые существительные представляют определенные трудности как для описания, так и для теоретического осмысления. Они лишены характерной для русского имени черты — форм склонения. Опираясь на них, Л.В. Щерба критиковал формальный подход к грамматике, особенно выраженный в книге М.Н. Петерсона «Русский синтаксис». Вопрос стоит так: каковы критерии выделения частей речи? В применении к именам: является ли слово именем потому, что оно склоняется, или же слово склоняется потому, что оно — имя? Вот мнение Щербы: «Впрочем, едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются; скорее, мы потому их склоняем, что они существительные. Я полагаю, что все же функция слова в предложении является всякий раз наиболее решающим моментом для восприятия». Идею Щербы поддержал В.М. Жирмунский: «О правильности этого положения свидетельствует тенденция к склонению заимствованных, первоначально несклоняемых существительных, например, просторечные формы от слова *пальто*...». На наш взгляд, это подтверждает, что данные слова суть имена (в чем никто из носителей русского языка не сомневается!). Но сами они выглядят аномально, поэтому просторечие старается эту аномалию устранить.

На этот вопрос сразу напрашивается ответ: неизменяемые имена противостоят морфологическому подходу в классификации частей речи. К ним не присое-

диняются падежные окончания, и для отнесения их к классу имен существительных требуются иные критерии. Их нахождение может иметь большое значение для типологии, в том числе и формоизолирующих языков. Слово-изолят в столь синтетическом, флективном языке, как русский, требует осмысления, которое может помочь лучше понять и специфику частей речи в формоизолирующих языках.

А.М. Пешковский, говоря о критериях выделения существительных, на первое место ставит значение предметности. Трезво понимая, что его не содержится в таких именах, как *чернота*, *белизна*, он полагает, что они обозначают некую субстанцию, понимаемую не логически, а лингвистически. Аффиксы, образующие их (*-ост'*, *-изн*), по мнению ученого, имеют своеобразное субстантивное значение (подобно тому, как аффикс *-ец* обозначает вполне предметную сущность: лицо, наделенное свойством: *храбрец*, *чернец*). Следовательно, предметность у существительных выражена не лексическим значением слова, а исключительно значением аффикса. То же относится и к бессуффиксальным *тишь*, *гладь*, *глушь* (1).

Что же касается таких имен, как *кенгуру*, *какаду*, а также *Эмкаха* (Московское коммунальное хозяйство), *РКИ* = *Эркаи* (Рабоче-крестьянская инспекция (2)), то исследователь подчеркивает следующее. Не склоняясь (т.е., не присоединяя к себе систему падежных окончаний), они образуют все характерные для существительного словосочетания: *этот кенгуру*, *кенгуру соседа*, *купил кенгуру*, *кенгуру ест*, *о кенгуру*. Иными словами, Пешковский лет на 30 предвосхитил некоторые идеи американской лингвистики (первое издание его книги вышло в 1914 г.). Так, З. Хэррис проводит принцип сочетаемости с большой последовательностью, начиная от морфем и кончая синтагмами. Согласно Хэррису, основа всякой языковой единицы — ее валентность, т.е. способность сочетаться с одними единицами своего класса и неспособность сочетаться с другими.

Но следует задаться вопросом: как в русском языке появились неизменяемые имена? Конечно, по большей части они суть заимствования. Но от этого они не перестают быть частью системы русского языка. В конце концов, в исконно русских словах нет и фонемы /ф/. Но благодаря заимствованиям она вошла в инвентарь русских фонем. И здесь надо особо подчеркнуть, что неизменяемость имен носит исторический характер. Так, франц. *paletot* (3) первоначально было заимствовано в форме *полетом* (XVIII в.); однако уже в начале XIX в. появляется современное имя. Даль характеризует его так: «Весьма неудобное для нас название верхнего платья... (*пойдем польты* (мн. народн.) *примьрять*)». Почему же «весьма неудобное» (в силу несклоняемости) имя заменило вполне удобное? Думается, что главной, имевшей далеко идущие последствия, причиной здесь явился живой контакт языков. Слово *палетот* могло быть заимствовано только из письменного языка, *пальто* — только из устного, т.е. при непосредственном контакте.

И здесь мы, очевидно, столкнулись с одним из важных последствий устного языкового контакта. Он так или иначе воздействует на грамматическую структуру языка-реципиента. Конечно, это воздействие наглядно проявляется в так называемых вспомогательных языках — жаргонах, пиджинах, креолах. Но и в других случаях его не приходится сбрасывать со счетов. Так, в классической работе У. Вайн-

райха специальный раздел посвящен переносу морфем в языковых контактах. Автор специально отмечает, что и перенос морфем, и заимствования вообще имеют место прежде всего среди имен существительных (4). Их вещный, конкретный денотат облегчает заимствование. И мы можем предположить, что в данном случае французская неизменяемость была заимствована русским языком. И более того. Во вспомогательных языках изменение грамматики направлено, как правило, в одну сторону: упрощение и разрушение морфологии, замена старых формоизменяемых аффиксов служебными словами, развившимися из полнозначных. При иных формах контакта морфология, конечно, не разрушается, но иногда можно видеть зачатки такого процесса. Не с ним ли связано накопление агглютинативных черт в грамматике русского языка?

Не менее показательный пример — имя *кофе*. Весь XIX век сосуществовали варианты *кофе/кофей*, причем второе слово употреблялось в разговорном языке различных социальных групп: оно встречается и у цирюльника Ивана Яковлича (*Н.В. Гоголь*, Нос), и у аристократа Стивы Облонского (*Л.Н. Толстой*, Анна Каренина). Любопытно, что у Даля второй вариант связан с такими прилагательными, как *цикорный, ржаной, морковный*, т.е. он образует словосочетания, обозначающие суррогат. Здесь, очевидно, проявляется скрытая оппозиция своего (склоняемое слово) и чужого (несклоняемое слово). Преодолена она была к началу XIX в.

В это же время или чуть раньше в русском языке появляются такие несклоняемые экзотизмы, как *кенгуру* и *какаду*; в кругозор носителей языка входит большое количество несклоняемых географических названий (реки *Ориноко, Замбези, Миссисипи*, острова *Фиджи, Таити, Гаити*). А в 20-е гг. возникает множество аббревиатур типа рассмотренных выше, а также усеченные слова типа *ситро* (< франц. *citronade* 'лимонад'), *метро* (< франц. *metropolitaine* 'столичный'). Так в русском языке сформировался особый морфологический класс существительных.

Помимо отсутствия морфологически выраженных показателей падежа и числа в этих именах представлены все признаки имен существительных. Род у них не меняется; его можно определить по согласованным прилагательным (*черный кофе, серый какаду*). Правда, отсутствие морфологических показателей и здесь приводит к колебаниям: в просторечии имя *кофе* иногда получает средний род (что является явным отступлением от литературной нормы). Имя же *метро* в момент его появления (30-е гг. XX в.) могло употребляться и мужском роде: *Но метро, блеснув перилами дубовыми, / Сразу всех он седоков околдовал* (*Я. Родионов*, Песня старого извозчика). Очевидно, внешнее сходство с именами ср. р. привело к этому переходу (и колебаниям в имени *кофе*).

Находясь все-таки на периферии русской морфологии, неизменяемые существительные постоянно превращаются в изменяемые в разговорном и просторечном стилях. Помимо отмеченного Далем *пóльта* (ср. еще у Зоценко: *Этак каждый настрижет веревок — пóльт не напасешься*), можно привести еще очень много примеров: *ухать на метре, большая кенгура* и т.д. Так, в 80-е гг. на филологическом ф-те МГУ было принято шутовское переосмысление *РКИ* (*эркаи*) как су-

ществительного мн. числа: *Я скажу эркаям, занятия у эркаев*. Тем не менее, в литературном языке эта категория неустанно сохраняется. Заимствования 90-х гг. — начала 2000 г. добавили сюда более 1000 слов типа *секьюрити, наблисити* (5).

Итак, подытожим. Неизменяемые имена в русском языке в настоящее время составляют его небольшую, но неотъемлемую часть. Их грамматические характеристики не выражены морфологически; они проявляются в сочетании с иными членами предложения. Но они присутствуют имплицитно, иначе и соответствующие сочетания не могли бы возникнуть. Таким образом, они проясняют для носителей русского языка и европейской лингвистической традиции специфику функционирования формоизолирующих слов. Способность к сочетанию с одними словами и ограничения, накладываемые на сочетания с другими — вот что позволяет давать словам определенные частеречные характеристики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Вопрос об образовании таких имен нас завел бы слишком далеко. Отметим только, что с синхронной точки этот способ можно назвать морфонологическим: чередование твердых и мягких согласных или согласных, связанных между собой по первой палатализации: /д/д', /к/ч/ (дикий/ дичь), /х/ш/ и т.д.
- (2) В конце 60-х гг. вместо старого РКИ, ставшего к тому времени архаизмом, у этой аббревиатуры появилось новое значение: русский язык как иностранный.
- (3) Французское слово заимствовано из исп. *palletoque*: *palle* 'плащ, верхняя одежда' + *toque* 'капюшон, облегающий головной убор'.
- (4) Яркий пример, не приведенный Вайнрайхом — англ. *datum/data*: латинские флексии ед. и мн. ч.
- (5) Это слово в варианте, более близком к письменному (*публисити*), появилось впервые у Ильфа и Петрова («Колумб открывает Америку»). В современном звучании оно употребляется с начала 90-х гг., когда соответствующая реалья стала актуальна и для России.

THE INDECLINABLE NOUNS IN RUSSIAN LANGUAGE (theoretical and historical problems)

Wuxin Geng

Chair of General and Russian Linguistics
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article gives a brief discussion of the origin and categorisation rules of the indeclinable nouns in Russian. The grammatical features of the indeclinable nouns demonstrates itself not in morphology but in its collocations with the other parts of the sentences. The analysis of the indeclinable nouns helps to understand and differentiate the sentence elements of Language Isolate.

Key words: categorization, indeclinable nouns, grammar, morphology, language isolate.